

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начала

Артур

Ребенку хочется посмотреть. С этого все начинается; точно так же началось и в тот раз. Ребенку захотелось посмотреть.

Он уже научился ходить и смог дотянуться до дверной ручки. Без особой, в общем-то, цели, просто из детского инстинкта первооткрывателя. Раз есть дверь, нужно ее толкнуть; вошел, застыл; огляделся. Никто за ним не следил; он развернулся и вышел, старательно затворив за собой дверь.

Увиденное стало для него самым ранним воспоминанием. Мальчонка, комната с кроватью, пробивающийся сквозь задернутые шторы послеполуденный свет. Прежде чем он поведал миру свою историю, минуло шесть десятилетий. Сколько же раз он проговаривал текст про себя, чтобы выстроить и подогнать простые слова, на которых в итоге остановил свой выбор? Сомнений нет: зрелище виделось ему столь же четко, как в тот памятный день. Дверь, комната, свет, кровать, а на кровати — «бело-восковое нечто».

Ребенок и труп: в Эдинбурге того времени подобные сцены были, вероятно, нередки. Из-за высокой смертности и стесненных жилищных условий дети постигали жизнь рано. Семья была католическая; на кровати покоилось тело бабки Артура, некой Кэтрин Пэк. Не исключено, что дверь оставили незапертой намеренно. Быть может, хотели приобщить ребенка к трагедии смерти; или, выражаясь более оптимистично, внушить, что смерти бояться не следует. Ясно же, что бабушкина душа улетела на небеса, оставив на земле только ненужное, брненное тело. Мальчик хочет посмотреть? Что ж, пускай смотрит.

Наедине в затемненной комнате. Дитя и мертвое тело. Внук, который только что, с обретением памяти, вышел из состояния неодоушевленности, и бабка, которая, утратив те способности, что развивались у мальчика, вернулась в упомянутое состояние. Ребенок смотрел в упор; много лет спустя точно так же смотрел в упор мужчина. Что представляло собой это «бело-восковое нечто», вернее, что представляла собой чудовищная перемена, оставившая по себе только «нечто», — этот вопрос приобрел для Артура первостепенное значение.

Джордж

У Джорджа самых ранних воспоминаний нет, а к тому моменту, когда, по всем меркам, положено ими обзавестись, выясняется, что время упущено. Ну не помнит он, что происходило определенно раньше всего остального: как его брали на руки, ласкали, поддразнивали, шлепали. Есть смутное ощущение, что некогда он был единственным ребенком в семье, и твердая уверенность, что нынче существует еще и Хорас, но тот поворотный, тревожный момент, когда ему предъявили братика, что было равносильно изгнанию из рая, не запечатлелся в памяти. Ни самого первого зрелища, ни самого первого запаха, будь то мамин парфюмерный аромат или едкость служанкиной карболки.

Мальчик растет застенчивым, серьезным, чутким к ожиданиям других. Порой ему кажется, что родительских ожиданий он не оправдывает: сознательный ребенок должен помнить, какой заботой был окружен буквально с первого дня. Но родители никогда не упрекают его за это упущение. Кстати, если другие дети сами исправляют подобный недочет, целенаправленно вбивая себе в голову нежное лицо мамы или надежное отцовское плечо, то Джорджу это несвойственно. Прежде всего, фантазии не хватает. То ли он никогда ею не обладал, то ли родители зарубили ее на корню какими-то своими действия-

ми — ответы на эти вопросы можно найти лишь в специализированном, покуда не написанном разделе психологии. Джордж не глух к историям, которые приходится слышать: про Жанну д'Арк, Давида и Голиафа, Поклонение волхвов, но сам, вообще говоря, лишен способностей к сочинительству.

Никакой вины он за собой не чувствует, поскольку родители не считают это недостатком. Говоря про кого-нибудь из деревенских ребятишек, что тот «сочиняет», они, безусловно, выражают свое неодобрение. На этой же шкале, только еще ниже, стоят «выдумщик» и «враль»; но самый скверный ребенок — это «отъявленный лжец»: к такому на пушечный выстрел приближаться нельзя. Самого Джорджа никогда не призывают говорить правду: в противном случае можно было бы подумать, что его требуется понукать. Дело обстоит проще: правду надо говорить потому, что в доме приходского священника иного не дано.

«Аз есмь путь и истина и живот»; он нередко слышит это из отцовских уст. Дорога, правда, жизнь. Ты идешь по жизни своей дорогой и говоришь правду. Джордж знает, что библейское изречение несет иной смысл, но на первых порах толкует его именно так.

Артур

Расстояние от дома до церкви было данностью, зато в каждой из двух конечных точек присутствовало, рассказывалось и предписывалось нечто свое. В стильном каменном храме, куда он ходил раз в неделю, чтобы, стоя на коленках, помолиться, присутствовали Господь Бог, Иисус Христос, Двенадцать апостолов, Десять заповедей и Семь смертных грехов. Все строго упорядочено, раз и навсегда перечислено и пронумеровано, вкупе с псалмами, молитвами и библейскими стихами.

Он понимал: это и есть выученная на зубок истина, но более созвучной его воображению оказывалась другая, парал-

лельная версия, усвоенная в домашней обстановке. Мамины истории тоже повествовали о стародавних временах и тоже учили его различать добро и зло. Стоя у кухонной плиты и помешивая овсянку, мама, бывало, уберет волосы за уши, а он уже ждет, когда она постучит черенком поварешки о край кастрюли, помолчит, а затем обратит к нему свое круглое, улыбочивое лицо. И тогда взгляд серых маминых глаз возьмет его в плен, а голос ее полетит по дуге, то взмывая кверху, то опускаясь, и под конец замедлится, едва ли не прервется — в тот самый миг, когда сладостная мука или радость ожидания нахлынет не только на героя и героиню, но и на слушателя.

«И тут рыцаря подняли над ямой, где шипели и брызгали ядом змеи, что кишели среди белых костей прежних жертв...»

«И тут жестокосердый злодей с гнусными проклятьями выхватил из-за голенища спрятанный кинжал и двинулся на беззащитного...»

«И тут дева вытащила из прически шпильку, и золотистые пряди заструились из окна, лаская стену замка, все ниже и ниже, чтобы почти коснуться изумрудной травы в том месте, где стоял...»

Артуру, который рос подвижным и своевольным ребенком, нелегко было усидеть на месте; но стоило матушке поднять над кастрюлей поварешку, как он застывал, словно околдованный: можно было подумать, сказочный злодей подсыпал ему тайное зелье. Вот тогда-то в тесной кухоньке и появлялись рыцари со своими прекрасными дамами: здесь бросали перчатку, здесь любые поиски — о чудо! — увенчивались успехом, бряцали латы, шелестела кольчуга и превыше всего ценилась честь.

Все истории были определенным образом (хотя поначалу он не понимал, как именно) связаны со стоявшим подле родительской кровати старинным деревянным сундуком, где хранились свидетельства происхождения их семьи. Это были совсем другие рассказы, больше напоминавшие школьное домашнее задание из истории рода герцогов Бретонских, ирландской ветви нортумберлендского рода Перси, а также некоего офи-

цера, который возглавил бригаду Пэка в битве при Ватерлоо и приходился дядей чему-то бело-восковому, прочно засевшему в памяти. И все это скреплялось материнскими уроками геральдики. Из кухонного шкафа извлекались большие листы картона, расчерченные и раскрашенные одним из лондонских дядюшек. Мама объясняла значение гербов, а потом требовала: «Ну-ка, опиши этот гербовый щит!» И ждала четкого, как таблица умножения, ответа: шевроны, звезды с лучами, пентаграммы, пентады, серебряные полумесяцы вкупе с их сверкающими сородичами.

Помимо усвоенных в церкви Десяти заповедей, дома он выучил еще несколько. Например, «Пред сильными бесстрашен, пред слабыми кроток» или «Рыцарствен с женщинами любого сословия — высокого или низкого». Эти заповеди казались ему даже более важными, потому как исходили непосредственно от мамы, да к тому же требовали применения на практике.

Артур далеко не заглядывал. В квартирке у них было не повернуться, матушка уставала, отец чудил. Еще в детстве Артур дал клятву, а клятвы, как известно, нельзя нарушать ни под каким видом: «Когда ты будешь совсем старенькой, мамочка, я тебе куплю бархатное платье и золотые очки, чтобы ты могла спокойно отдыхать у камина». Сегодня ему уже видится начало рассказа и счастливый конец; вот только середины пока не хватает.

За советами он обращался к своему любимому писателю, капитану Майн Рида. Пролистал «Вольных стрелков, или Приключения офицера пехоты в Южной Мексике». Простудировал «Молодых путешественников», «Тропу войны», «Всадника без головы». Индейцы и бизоны смешались у него в голове с рыцарями в латах и пехотинцами из бригады Пэка. Но самой его любимой из всех книжек Майн Рида стали «Охотники за скальпами, или Романтические приключения в Северной Мексике». Артур толком не знал, где берутся очки в золотой оправе и бархатное платье, но подозревал, что за ними придется снарядить рискованную экспедицию в Мексику.

Джордж

Раз в неделю мать берет его с собой к двоюродному деду Компсону. Идти к нему недалеко — до низкой каменной оградки, за которую Джорджу вход заказан. Они еженедельно меняют цветы в дедовом кувшине. Дед Компсон двадцать шесть лет отслужил в приходе Грейт-Уэрли; нынче душа его на небесах, а тело на погосте. Объясняя эти подробности, мать убирает поникшие стебли, выплескивает затхлую воду и расправляет свежий, глянцевого цвета букет. Когда разрешают, Джордж помогает набирать чистую воду. Мать говорит, что скорбеть нужно в меру, иначе будет не по-христиански, но Джорджу такое не по уму.

Когда двоюродный дед Компсон отправился на небеса, место его занял отец. Тот в свое время женился на матери, год спустя получил приход, а еще год спустя родился Джордж. Так ему рассказывают; история понятная, правдивая и счастливая, как и заведено от века. Есть мама, которая постоянно присутствует в его жизни: учит грамоте, целует на ночь; есть отец, который больше отсутствует, потому как навещает старых и немощных или пишет проповеди, которые потом читает с амвона. Есть дом и церковь, есть воскресная школа, где учителем является мать, есть сад, кошка, куры, небольшая лужайка, которую пересекает тропа от дома до церкви, и еще погост. Таков хорошо знакомый мир Джорджа.

В доме vicararia царит тишина. Молитвы, книги, рукоделие — это пожалуйста. Кричать нельзя, бегать нельзя, пачкотню разводить нельзя. Бывает, правда, что шум исходит от очага, а еще от ножей и вилок, если кто не умеет их правильно держать, и, конечно, от брата Хораса, который недавно появился на свет. Но это лишь исключения из правил спокойного и надежного домашнего мира. А вот мир за пределами дома vicararia полон неожиданных шумов и неожиданных происшествий. К примеру, четырехлетнего Джорджа ведут на прогулку вдоль межи и знакомят с коровой. Его пугает не столько величина этой скотины и даже не набухшее вымя, что болтается на

уровне его глаз, сколько хриплый вопль, беспричинно вырывающийся из ее глотки. Видно, не на шутку разозлилась корова. Джордж — в слезы, отец — за хворостину. Тогда животное поворачивается боком, задирает хвост — и давай разводить пачкотню. Джордж цепенеет при виде этого извержения, которое с завораживающим шлепком плюхается на траву и тем самым вмиг нарушает все правила. Но материнская рука тащит Джорджа прочь, не давая осмыслить странное происшествие.

Да разве одна только корова и иже с нею — лошадь, овцы, поросенок — вызывают подозрение к миру, что лежит за пределами дома викария? Джорджа настораживает многое из того, что он видит и слышит. Достаточно посмотреть, с каким лицом возвращается домой отец, и сразу станет ясно: тот внешний мир населяют старики, неимущие, хворые, и живется им — хуже некуда; понизив голос, отец еще рассказывает про каких-то «горняцких вдов», но это Джорджу не по уму. А вдобавок там обретаются выдумщики и, еще того хуже, отъявленные лжецы. Ко всему прочему, в округе есть так называемая «Угольная Шахта» — оттуда привозят уголь для камина. Уголь ему как-то не по нраву. Пахнет скверно, пылит, да еще и тишину нарушает, когда его кочергой ворочают; а как разгорится — близко не подходи. Доставкой мешков с углем занимаются дюжие, свирепого вида дядьки в кожаных шлемах, спускающихся на спину. Когда внешний мир стучит в дверь колотушкой, Джордж обычно вздрагивает. Если рассудить, наружу лучше вообще не высываться, а сидеть дома с матерью, братом Хорасом и новорожденной сестренкой Мод, покуда не настанет срок отправиться на небо и встретиться там с двоюродным дедом Компсоном. Но Джордж подозревает, что так не получится.

Артур

Они без конца переезжали: раз шесть за первые десять лет жизни Артура. Создавалось впечатление, что каждая новая квартира теснее предыдущей, так как семья постоянно росла.

У Артура были старшая сестра Аннетт, младшие сестры Лотти и Конни, младший брат Иннес, а впоследствии добавились еще сестренки Ида и Джулия (уменьшительно — Додо). Производить детей отцу удавалось на славу, а вот содержать — несколько хуже. В раннем возрасте Артур понял, что папа не сможет обеспечить матушке достойную старость, и от этого только укрепился в своем решении позаботиться об этом самостоятельно.

Глава семейства — о герцогах Бретонских сейчас речи нет — происходил из артистического рода. Талантливый, наделенный тонким религиозным чутьем, он постоянно ходил взвинченным и не отличался крепким здоровьем. В Эдинбург он приехал из Лондона в возрасте девятнадцати лет. Получил место помощника топографа в Шотландской строительной инспекции, однако слишком рано погрузился в такую среду, которая встретила его приветливо, но оказалась разгульной и пьющей. Этот тихий неудачник прятал добродушное лицо за мягкой окладистой бородой; к вопросам долга он подходил отстраненно и вообще давно сбился с жизненного пути.

Ни жестокости, ни злобы в нем не было; во хмелю он становился сентиментальным, щедрым, склонным к самобичеванию. Порой его, с замусоленной бородой, приволакивал домой кэбмен, который настырно требовал платы за свои труды и тем самым будил детей; наутро отец долго и слезливо каялся, что не способен обеспечить тех, кого так нежно любит. Однажды Артура на целый год отправили в школу-пансион, чтобы избавить от созерцания очередного этапа распада отцовской личности, но мальчик успел достаточно насмотреться, чтобы четко представлять, каким бывает и каким должен быть мужчина. В маминых рассказах о рыцарстве и романтических чувствах не находилось места для пьяниц-иллюстраторов.

Отец Артура рисовал акварелью и вечно надеялся на прибыли от продажи своих работ. Но ему мешала широта натуры: он раздавал эти рисунки даром или в лучшем случае за сущие гроши. Выбирая неистовые, устрашающие сюжеты, отец

все же нередко проявлял свое врожденное чувство юмора. Но излюбленным мотивом, которым, собственно, и запомнилось отцовское искусство, были феи.

Джордж

Джорджа отдают в сельскую школу. Его свободно повязанный бантом шейный платок, скрывающий запонку туго накрахмаленного ворота, касается верхней пуговицы жилета; сюртучок примечателен высокими, почти не скошенными лацканами. Другие мальчики не столь щеголеваты: некоторые являютя на уроки в фуфайках грубой ручной вязки или в куртках с чужого плеча, донашиваемых за старшими братьями. Считанные единицы могут похвалиться крахмальными воротничками, но шейный платок, как у Джорджа, носит один лишь Гарри Чарльзуорт.

Мать научила Джорджа грамоте, отец — несложным арифметическим действиям. Всю первую неделю Джордж волею случая просидел за задней партой. В пятницу предстоит проверочное испытание, и детей рассадят по степени умственного развития: толковые мальчики будут сидеть впереди, а бесп толковые сзади; наградой за успехи в учении станет возможность оказаться поближе к учителю — светочу образованности, знаний, истины. Зовут его мистер Босток; он носит твидовый пиджак, вязаный жилет и сорочку с пристежным воротником, уголки которого, прижатые галстуком, скреплены золотой булавкой. В любое время года мистер Босток ходит в коричневой фетровой шляпе, которую на уроках кладет перед собой на стол, как будто опасается выпустить из поля зрения.

На перемене мальчики выбегают, как принято говорить, в школьный двор, а по сути — на вытоптанный пяточок, откуда вдаль, за открытыми полями, видны Угольные Копи. Те ребята, которые и раньше были меж собой знакомы, тут же устраивают потасовку — просто от нечего делать. Джордж никогда прежде

не видел драк. Он глядит во все глаза, и тут перед ним возникает Сид Хеншоу, один из главных бузотеров. Хеншоу строит ему обезьяньи рожи: мизинцами растягивает себе рот, а большими пальцами оттопыривает уши — и давай ими шевелить.

— Приятно познакомиться, меня зовут Джордж. — Так ему наказывали говорить.

Но Хеншоу знай шевелит ушами, издавая какие-то булькающие звуки.

В классе есть фермерские сыновья, и Джорджу кажется, что от них пахнет коровой. Но большинство ребят — из шахтерских семей; у этих какой-то чудной говорок. Джордж запоминает имена одноклассников: Сид Хеншоу, Артур Эрам, Гарри Боум, Хорас Найтон, Гарри Чарльзуорт, Уолли Шарп, Джон Гарриман, Альберт Йейтс...

Отец твердит, что в школе можно найти себе друзей, но Джордж плохо понимает, как это делается. А однажды утром подкрадывается к нему сзади Уолли Шарп и шептывает:

— Ты не тутушний.

Развернувшись, Джордж говорит, как обучен:

— Приятно познакомиться, меня зовут Джордж.

В конце первой недели мистер Босток устраивает проверку по чтению, правописанию и арифметике. Результаты объявляются в понедельник утром, и учеников пересаживают. Джордж неплохо справился с чтением из хрестоматии, но правописание и арифметика подкачали. Его оставляют на задней парте. В следующую пятницу, да и через две недели ничего не меняется. Теперь он окружен фермерскими и шахтерскими сыновьями, которым все равно, где сидеть — в заднем ряду даже еще и лучше: подальше от мистера Бостока, чтобы тот не видел их проделок. У Джорджа такое ощущение, будто его медленно, но верно теснят с пути, от истины, из жизни.

Мистер Босток стучит мелом по классной доске.

— *Вот это*, Джордж, *плюс вот это* (тук) *будет... сколько* (тук-тук)?

В глазах у Джорджа мутится, и он выпаливает наугад: «Двенадцать» или «Семь с половиной». Мальчишки за первыми

партами смеются; тут даже фермерские сыновья соображают, что он дал маху, и тоже гогочут.

Мистер Босток со вздохом качает головой и спрашивает Гарри Чарльзуорта, который, сидя за первой партой, вечно тянет руку.

«Восемь», — чеканит Гарри или: «Тринадцать и одна четверть»; тогда мистер Босток дергает головой в сторону Джорджа, чтобы подчеркнуть, какую тот сморозил глупость.

Как-то раз по дороге домой из школы Джорджу случилось замарать штаны. Мать раздевает его догола, ставит в ванну, трет мочалкой, одевает в чистое и отводит к отцу. Но Джордж не может объяснить, почему в свои без малого семь лет он так осрамился, будто еще не вышел из пеленок.

Такое происходит с ним еще раз и еще. Родители не наказывают своего первенца, но их очевидное разочарование (в учебе отстает, по дороге домой опять замарался) хуже любой кары. Они обсуждают сына поверх его макушки.

— Этот ребенок пошел в тебя, Шарлотта: комок нервов.

— Но почему с ним такое происходит: у него ведь не зубы режутся?

— Простуду исключим сразу: на дворе только сентябрь.

— Кишечное расстройство — тоже: Хорас кушал все то же самое.

— Что еще можно предположить?

— Я читала, что единственной другой причиной может быть страх.

— Ты чего-нибудь боишься, Джордж?

Джордж смотрит на отца, на белоснежный пасторский воротничок, на круглое не улыбочивое лицо, на губы, которые с амвона церкви Святого Марка вещают непостижимую порой истину, на черные глаза, которые сейчас требуют истины от него. А что тут скажешь? Да, боится он и Уолли Шарпа, и Сиды Хеншоу, и еще некоторых, но ябедничать негоже. Да и потом, есть кое-что пострашнее. В конце концов он говорит:

— Я боюсь остаться глупым.

— Джордж, — отвечает ему отец, — нам понятно, что ты неглуп. Мы с мамой обучили тебя грамоте и основам арифметики. Ты сообразительный мальчик. Дома с легкостью решаешь примеры, а в школе ходишь в отстающих. Ответь: почему?

— Не знаю.

— Возможно, мистер Босток учит вас как-то иначе?

— Нет, отец.

— Или ты ленишься?

— Нет, отец. Из учебника я любой пример могу решить, а с доски не получается.

— Полагаю, Шарлотта, нам придется свозить его в Бирмингем.

Артур

У Артура были дядюшки; они наблюдали распад личности своего брата и жалели его семью. Ими и было принято решение отправить Артура на учебу к английским иезуитам. В Эдинбурге его посадили в поезд; всю дорогу до Престона он, в ту пору девятилетний, проплакал. Ближайшие семь лет ему предстояло провести в Стонихерсте, и только во время летних каникул он на полтора месяца возвращался к матушке, а в эпизодических случаях — еще и к отцу.

Выходцы из Нидерландов, иезуиты принесли с собой всю учебную программу и систему воспитания. Образование включало семь циклов: грамота, арифметика, начала общих знаний, грамматика, синтактика, поэтика и риторика, по одному году на каждый цикл. Как и в обычных частных школах, там изучали Евклида, алгебру и античных авторов; незнание их истин грозило примерным телесным наказанием. Совершалось оно посредством специального орудия, тоже вывезенного из Нидерландов и называемого «тулий»: это был кусок натурального каучука длиной и толщиной с башмачную подошву. От одного удара, наносимого с подлинно иезуитским расчетом, кисть ру-

ки распухала и багровела. Ученикам старших классов обычно назначали девять ударов по каждой руке. После этого провинившийся еле-еле поворачивал дверную ручку, чтобы выйти из кабинета, где вершилось наказание.

Тулий, как объяснили Артуру, получил свое название от созвучия с латинским глаголом. *Fero*, «я ношу, или вынашиваю». Спрягаем: *fero, ferre, tuli, latum*. Стало быть, *tuli* — «я выносил», то бишь «тулий» — это шутовина, которую мы сами родили, так?

Юмор был жестоким, под стать наказаниям. На вопрос, кем он видит себя в будущем, Артур признался, что хочет стать инженером и строить дома.

— В инженереры ты, может, и выбьешься, — ответил священник, — а строить, уж поверь, будешь разве что козни.

Артур вымахал крупным, решительным парнем, который за успокоением шел в школьную библиотеку, а за радостями — на поле для игры в крикет. Раз в неделю мальчиков заставляли писать домой, и многие расценивали это как изощренную пытку, но Артур почитал наградой. В течение отведенного часа он изливал душу матери. Не забывая ни Бога, ни Иисуса Христа, ни Библию, ни иезуитов, ни тулий, он подчинялся и доверял главному арбитру — своей хрупкой, но властной матушке. Она для него оставалась советчицей во всех вопросах, от нижнего белья до геенны огненной. «К телу носи фланель, — настаивала она, — и не верь в муки ада».

Помимо всего прочего, матушка, сама того не ведая, научила его завоевывать авторитет. С самого начала он рассказывал своим одноклассникам истории о рыцарстве и романтических чувствах, впервые услышанные им под занесенной поварешкой для овсяной каши. В ненастные часы досуга он забирался на парту, а слушатели садились в кружок на корточках. Вспоминая матушкины таланты, он умело понижал голос, затягивал свой рассказ и прерывался на самом драматическом, захватывающем эпизоде, чтобы продолжить на следующий день. Рослый и вечно голодный, за базовую единицу оплаты он при-

нимал сдобную булочку. Но временами, умолкая в кульминационной точке, отказывался продолжать, пока не получит гонорар в размере яблока.

Так он обнаружил глубинную связь между повествованием и вознаграждением.

Джордж

Окулист не рекомендует младшим школьникам носить очки. Лучше подождать, — быть может, с возрастом зрение нормализуется само. А пока нужно пересадить мальчика за первую парту.

Из окружения фермерских сыновей Джордж перебирается к Гарри Чарльзуорту, отличнику. И с той поры на уроках больше не теряется. Он ясно видит, в какой точке барабанит по доске учительский мел, и, к слову сказать, по дороге домой никогда больше не марает исподнее.

Сид Хеншоу по-прежнему строит обезьяньи рожи, только Джорджу от этого ни жарко ни холодно. Сид Хеншоу — просто сельский дурень, который, скорее всего, даже не знает, как пишется «корова», хотя от самого коровой несет.

Однажды в школьном дворе Хеншоу с разбегу толкает Джорджа плечом, а сам, не дав ему опомниться, срывает с него галстук-бант и убегает. Слышится хохот. Перед началом урока мистер Босток спрашивает, куда делся галстук.

Джордж стоит перед трудным выбором. Он знает, что ябедничать — последнее дело. Но знает он и то, что лгать еще хуже. У отца в этом вопросе очень твердая позиция. Единожды солгав, ты ступаешь на путь греха — и остановить тебя может разве что петля, накинутая на шею палачом. Разумеется, такими словами об этом не говорят, но Джорджу видится именно так. А потому солгать мистеру Бостоку невозможно. Джордж рассчитывает как-нибудь выкрутиться (что, между прочим, тоже нехорошо: отсюда до лжи — один шаг), а потом отвечает как на духу:

— Сид Хеншоу меня толкнул и галстук сорвал.

Мистер Босток за вихры выводит Хеншоу из класса, лупит, пока тот не начинает вопить, а потом возвращается с шейным платком Джорджа и читает ученикам нотацию про воровство.

После уроков Джорджу преграждает дорогу Уолли Шарп, который, не давая себя обойти, шипит:

— Ты не тутошний.

Остается только вычеркнуть Уолли Шарпа из числа возможных друзей.

Если Джордж чего-то лишен, то в большинстве случаев сам этого не осознает. К примеру, его родные никогда не участвуют в делах сельской общины, но Джордж не понимает последствий такого отстранения, не говоря уже о причинах родительской замкнутости или несостоятельности. Сам он никогда не заходит в гости к другим ребятам, а потому не может судить, какой уклад принят в чужих домах. Его жизнь самодостаточна. Денег у него нет — и не надо, тем более что стяжательство, как он недавно узнал, корень всех зол. Игрушек тоже нет — и пусть их. Для игр требуются ловкость и зоркость, которыми он не обладает; ему даже не доводилось чертить «классики», чтобы прыгать из одного квадрата в другой; от летящего в его сторону мяча он съеживается. Его вполне устраивает по-братски гонять Хораса или, более бережно, сестренку Мод, а еще бережней — цыплят.

Для него не секрет, что у большинства мальчишек есть друзья; даже в Библии описаны Давид и Голиаф, а Гарри Боум и Артур Эрам, отойдя на кромку школьного двора — Джордж сам видел, — достают из карманов и разглядывают какие-то сокровища, но ему такое неведомо. Нужно ли ему в связи с этим что-нибудь придумать или лучше выждать, когда что-нибудь придумают другие? Да какая, в сущности, разница: главное — чтобы мистер Босток был им доволен, а лебезить перед недомками с задних парт он не собирается.

Когда к чаю приходит двоюродная бабушка Стоунхэм, а случается это в первое воскресенье каждого месяца, она шум-

но скребет чашкой по блюдечку и сквозь морщинистые губы вопрошает, есть ли у Джорджа друзья.

— Гарри Чарльзуорт, — неизменно отвечает он. — Мой сосед по парте.

Услышав тот же самый ответ в третий раз, бабушка со стуком опускает чашку на блюдечко, хмурится и спрашивает:

— А еще?

— Все остальные — деревенские вонючки, — отвечает он.

По устремленному на отца взгляду двоюродной бабушки Стоунхэм он понимает, что оплошал. Перед ужином его вызывают в отцовский кабинет. Отец вытянулся у письменного стола на фоне расставленного по полкам авторитета веры.

— Сколько тебе лет, Джордж?

Распекания нередко начинаются с этого вопроса. Ответ известен обоим, но Джордж обязан произнести его вслух.

— Семь, отец.

— В этом возрасте от человека естественно ожидать некоторого уровня интеллекта и здравого смысла. Позволь спросить, Джордж: как по-твоему, в глазах Господа ты ценнее тех мальчиков, которые живут на фермах?

Ясное дело, правильно будет сказать «нет», но Джордж медлит с ответом. Неужто сын викария, который живет в доме викария и приходится внучатым племянником предыдущему викарию, не ценнее для Господа, чем глупый и вдобавок злобный мальчишка, который носу не кажет в церковь, как, например, Гарри Боум?

— Нет, — отвечает Джордж.

— Так почему же тех мальчиков ты называешь «деревенскими вонючками»?

Как тут выбрать правильный ответ? Джордж раздумывает. Правильный ответ, как ему внушили, — это ответ правдивый.

— Потому, что они такие и есть, отец.

Отец вздыхает:

— Допустим, Джордж; но почему они таковы?

— Каковы, отец?